

Независимая газ. — 2001. — 27 апр. — с. 16

Будущий писатель Вадим Кожевников с матерью Надеждой Георгиевной.

Надежда Кожевникова

ПОЖАЛУЙ, две трети того, что жители США ежедневно вынимают из почтовых ящиков, относится к категории junk mail, то есть предназначено сразу для мусорной корзины. Обычно это рекламные проспекты, каталоги, которые даже не раскрывают. Но как-то на обложке одного из них я прочла: «Советская коллекция: сокровища ушедшей эры».

К традиционному товару — хрусталу, фарфору Ломоносовского завода, расписным шалям из Павловского Посада, жостовским подносам — прибавились еще шинели (стоцентная шерсть!), ушанки и офицерские фуражки военнослужащих бывшего Советского Союза, а также шлемы пилотов МИГа с прикрепленными к ним кислородными масками. А в конце самое, видимо, лакомое предлагалось — награды советской эпохи: медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда», Ленинграда, Москвы, ордена Славы, Красной Звезды, Отечественной войны. Подлинные, как было сказано. Цена, например, за орден Ленина — 895 долларов.

Действительно подлинные? Чтобы в этом удостовериться, мы с мужем решили позвонить в компанию, базирующуюся в Сан-Диего, по указанному телефону. Выяснили, что компания американская, возникла десять лет назад, после распада Союза. Услышали подтверждение, что награды настоящие, а вот почему их продают — в это служащие компании не вникают. Может быть, потому, что их перестали ценить, а может быть, нуждаются люди. Короче: «Вас что конкретно интересует? Ордена Ленина? Пять штук? Пять есть в наличии. Еще что-нибудь?»

«Ты что, расстроилась? — спросил муж. — Ну давай купим серебряный подстаканник с символикой «Красный Октябрь». Смотри, точно как тот, что на таможене у нас не пропустили».

Но новенький, пусть и такой же, не нужен. Тот, отцовский, был у него в пользовании тридцать лет, и я помнила — вижу сейчас — на правой руке желтый от никотина палец, а на левой раздробленные фронтовым ранением косточки. Таможенники сочили его контрабандой, как и том избранных сочинений Некрасова, принадлежавший делу. Ах, каким праведным негодованием были лица их преисполнены! Как после узнала, я действительно нарушила давно бытующее правило: следовало сунуть носильщику, спящему с таможенниками, двадцатку «зеленых», и чемодан проверке не подвергался бы. Так

провозилось и провозится нечто посерьезнее дореволюционных изданий прогрессивно настроенных классиков.

Награды — чужие, принадлежавшие неведомо кому — не нужны тоже. На столе, рядом с компьютером, отцовская фотография 42-го года с орденом Красной Звезды, которым он, знаю, гордился особенно, больше чем полученным впоследствии званием Героя Социалистического Труда. Самого ордена у меня нет, он остался у сестры в России. И вдруг зазвонило: в самом деле остался, в самом деле хранится? У меня нет оснований сомневаться, но кто ж эти люди, дети, наследники, которые за деньги сбывают родительские ордена?

Как-то, в начале 90-х, приятель-француз пригласил нас с мужем на вечеринку к своим соотечественникам, снимавшим квартиру на улице Горького в ведомственном, с мраморной облицовкой доме. Владельцы таких хором обычно съезжали на дачу, живя на ренту, в то время очень высокую, от сдаваемого, как правило, иностранцам городского жилья. В тот раз гостей столько подвалило, что я, затертая в угол комнаты, и не пыталась никуда пробиться. И вдруг увидела на стене женский портрет, совершенно не сочетающийся ни с атмосферой шумного сборища, ни с раскованными манерами присутствующих.

В тяжелой раме, выполненная масляными красками картина, скажем мягко, не дивила творческими открытиями. И женщина, там изображенная, тоже вовсе не чаровала красотой. С прической в кудельках, как носили в начале 50-х, в блузке с воланами да с чернотуркой через плечо, она выглядела типичной супругой начальника, хотя и не самого высокого ранга, но из тех, за кем подавали к подъезду казенный автомобиль. Никакой симпатии она не вызывала, и я сама удивилась, почему мне внезапно сделалось не по себе.

Потому, видимо, что вот такую, как она, не имело смысла придумывать. Она, эта женщина, была, жила, в удачную пору портрет ее был заказан художнику, а потом то ли дети, то ли внуки забыли ее, то бишь портрет, вот здесь, на стене, как ненужный хлам.

Некогда, в очень далекие уже теперь времена, понятия, правила, которыми люди руководствовались, были проще и отчетливее. Существовала честь рода, семьи — и ответственность, обязательства тут передавались из поколения в поколение. Да и на уровне инстинкта — первобытного, нутряного — родители и их чада вставали на защиту друг друга, не рассуждая и уж тем более не руководствуясь сиюминутной конъюнктурой. Но столько всего произошло потом — революция 17-го, братоубийственная гражданская, последующий террор с тотальным доносом, — что, конечно, семейную идиллию уже не вернуть. Но кое-что все-таки осталось, без чего, пожалуй, нельзя жить.

В нашем доме в Колорадо, в комнате, считающейся рабочей, для глаз посторонних не предназначенной, стены увешаны фотографиями под стеклом в рамках моих родственников и родственников мужа, некоторые из которых чудом уцелели. Скажем, муж увидел лицо своего деда по материнской линии впервые в прошлом году, убедив свою мать прокомментировать отправленные бандеролью старые фотоснимки. Так мы узнали, что дед его, Николай Ивано-

в одиночное тюремное заключение, отправленный в сибирскую ссылку — принадлежал все же не к той партии, что победила, а к разгромленной, меньшевистской. Чтобы избежать уничтожения, ему надо было раствориться в безвестности: в итоге его, живого, реального, заслонил двойник, выдуманный сыном-писателем. Об этом однажды я уже писала, хотя тема далеко не исчерпана.

До того не задумывалась, почему отец вознамерился вспомнить свое детство в Сибири, родителей и друзей их, «старых большевиков», именно после смерти Сталина: роман вышел в 1956 году. Так ведь дед, Михаил Петрович, входил в группу сыльных революционеров, организовавших знаменитый побег Иосифа Джугашвили из Туруханского края, и сохранилась групповая фотография, где дед, правда, маячит в задних рядах, зато в центре усаж в белой бекеше. Тогда, как известно, принадлежность к различным партиям еще не носила характера раскола, небольшие тоже имели право жить, дышать. Но впоследствии при цепкой памяти вождя и намек могло быть достаточно, чтобы семья Кожевниковых была бы выкорчевана под корень. Тем более что после переезда из Си-

зеты «Искра»), но Надежда Георгиевна в свои шестнадцать лет успела совершить и другие подвиги, по совокупности коих была отправлена в Сибирь по этапу вместе с уголовниками: после революции 1905 года привилегии для политических были упразднены.

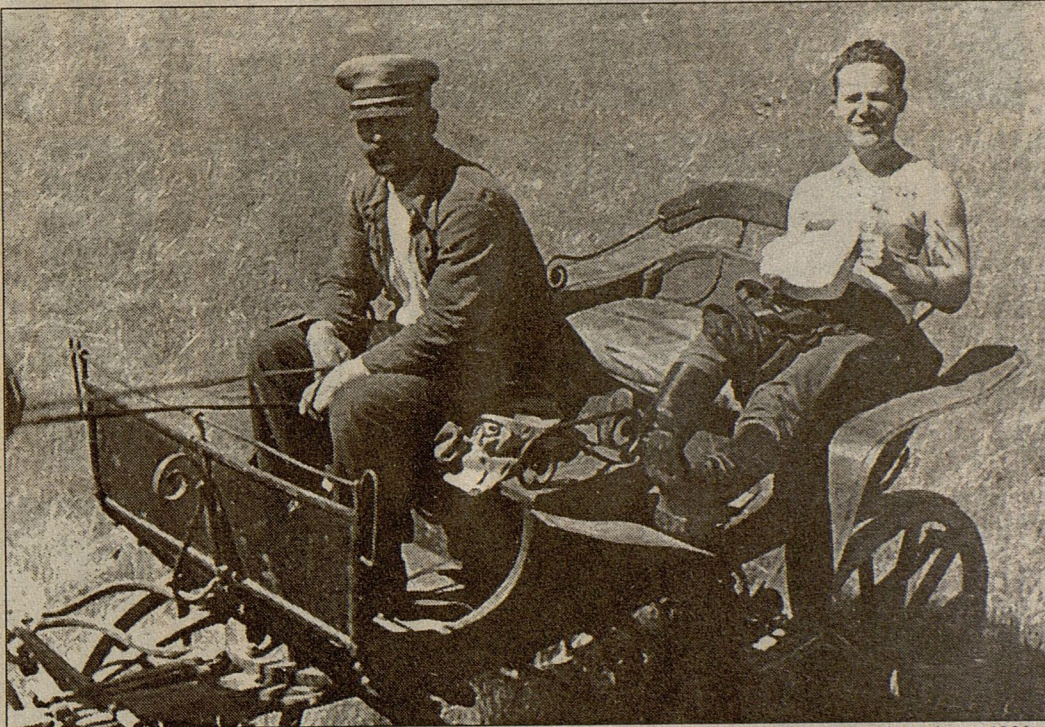
А вот бабуся, мамина мама, уроженка Варшавы, ничего героического не свершила. На фотографии, что сейчас, пока пишу, у меня перед глазами, она сидит в низком креслице, закинув ногу на ногу, демонстрируя туфли с ремешками, которые ей явно ну очень нравятся. Кокеткой она оставалась до смерти, и некоторые находили ее легкомысленной. А на мой взгляд, в ней мужества было не меньше, чем у революционной бабки Надежды. Во время гражданской она, потеряв возлюбленного, убитого на фронте, оказалась в городе Орше, беременной, где встретила человека, Юрия Белякина, почти накануне родов на ней женившегося и которого мама считала своим родным отцом.

Всегда оживленная, несколько даже ребячливая, бабуся не умела хранить ни свои, ни чужие секреты. Между тем одну тайну она считала нужным беречь, по крайней мере от меня, внучки. В паспорте у нее в графе национальности ливовыми чернилами было выведено: русская. Но потом я узнала, что шесть бабушкиных сестер погибли в Варшавском гетто.

...И вот так, сравнивая, понимаешь, что нашему поколению все-таки здорово повезло: без риска, без опаски мы с мужем смогли собрать в одной комнате, точнее на ее стенах, весьма разнообразную компанию, с которой состоим в прямом, кровном род-

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

Правила далеких времен, или Рассуждения о чести рода

Вадим Кожевников — работник МТС. Кубань. 1930 г. Фото из семейного архива

вич Несмачный, имел чин полковника царской армии и был начальником инженерной части у генерала Брусилова. (Групповая фотография времен знаменитого Брусиловского прорыва прилагалась.) После он стал главным инженером Второго строительного треста, занятого промышленно-гражданскими объектами, к числу которых, к примеру, относилась Библиотека имени Ленина. Но в тридцать девятом за ним все же явились и увели: в шестьдесят лет возить тачки с каменоломен пришлось недолго. Но хотя его посмертно реабилитировали, ожог, видимо, был столь силен, что мать своим детям о деде не решалась напоминать.

У меня, казалось бы, все обстояло иначе. Отец написал автобиографический роман «Заре навстречу», и то, что мой дед и бабушка назывались старыми большевиками, знала с детства: во всех предисловиях, комментариях к сочинениям Вадима Кожевникова они только так и упоминались. Папы уже не было, когда я раскопала, что дед — да, отбывший

бири в Москву в 29-м году близкие их друзья — Рыков, Бубнов — тоже уже оказались под прицелом. Но дед то ли из скромности, то ли благодаря чутью не стал никуда лезть, встречать, используя прежние связи. Довольствовался коммуналкой, тогда как приятели жили в Кремле. Замер — и уцелел. Но запросто могло бы случиться иначе.

Недавно впервые был опубликован сборник документов процесса над меньшевиками, проходившего в Колонном зале Дома Союзов в 1931 году. Я эти книги изучила с карандашом в память об отце и деде. Лишь в конце 80-х в российской историографии появились работы, в которых «меньшевистский процесс» стал рассматриваться в ряду сфальсифицированных. Папа так и не узнал, что затравившийся на переломки даче дед в итоге получил официальную индульгенцию.

Бабка, в честь которой меня назвали Надеждой, не уступала деду в идейности. Ее зацепили по известному «делу на Лесной» (речь шла о распространении га-

стве. Тамбовские кулаки и купцы первой гильдии из Краснодар, польские евреи и русские дворяне, революционеры, стоявшие у истоков эксперимента, разнесшего в щепки и страну, и их собственные судьбы, а также баптисты, столь же истово верующие — в свое.

Пусть меня сочтут беспринципной, но скажу: с ними со всеми я ощущаю близость и готова грудью защищать от нападков, обид. А кто ж, кроме меня, за них вступится? Разборки, что происходят вовне, это одно, а семейное дело — другое. Там тоже, естественно, бывают и ссоры, и недомолвки, и недоразумения, но не должно быть предательства, измен. И не столько даже при жизни, сколько потом. Я абсолютно верю, что пока ушедшие живы в нашей памяти, они существуют с нами рядом, вот здесь. И как они нам помогают, тоже знаю, постоянно чувствую.

Вот, собственно, какие соображения вызвал каталог «Сокровища ушедшей эпохи» с предложением покупки орденов, оцененных в твердой валюте.